

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17

Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая?

Г.Д. Паксютов

Аннотация. Начиная с 2019 г. экономическая безопасность приобрела особое значение для японского правительства. Был создан ряд специализированных ведомств, а в мае 2022 г. парламент принял Акт об обеспечении экономической безопасности. Идеи об экономической безопасности также нашли отражение в новой Национальной стратегии безопасности, принятой в декабре 2022 г. В тексте данного документа экономическая безопасность определяется как «обеспечение национальных интересов Японии, таких как мир, безопасность и экономическое процветание, посредством экономических мер». Можно констатировать, что понимание экономической безопасности изменилось по сравнению с прежним, более узким, в котором эта концепция в первую очередь связывалась с обеспечением поставок в Японию ресурсов и продовольствия. Рассмотрев предложенные меры по обеспечению экономической безопасности в Японии, мы демонстрируем, что новое понимание данной концепции формируется параллельно с нарастающим экономическим соревнованием между Китаем и США, «торговой войной», в которой Япония участвует, активно поддерживая меры против китайских высокотехнологичных компаний. Для осмысления текущего процесса мы прибегаем к теории секьюритизации. С точки зрения теории, утверждения, которые представляют отрасли экономики КНР как угрозу безопасности, являются «речевыми актами», цель которых – добиться возможности использовать экстраординарные политические меры. Мы приходим к выводу, что главный фактор, сделавший секьюритизацию возможной – появление новых технологий, в которых (по аргументации экспертов) трудно разграничить военное и гражданское применение, а также технологий (напр., искусственного интеллекта), коммерческое использование которых повышает потенциальную эффективность их военного применения. В завершение мы рассматриваем секьюритизацию китайской экономики со стороны Японии в глобальном и региональном контексте, приходя к выводу, что она является попыткой получить преимущество в конкуренции между японскими и китайскими инфраструктурными проектами в АТР и сигналом США о высоком значении японо-американского альянса.

Ключевые слова: экономическая безопасность, японская стратегия безопасности, секьюритизация, высокотехнологичные отрасли, отношения Японии и Китая, отношения Японии и США.

Автор: Паксютов Георгий Давидович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Паксютов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 6–17. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17

Japan's economic security strategy: Securitization of China's rising economic power?

G.D. Paksiutov

Abstract. The concept of economic security has received special attention from the Japanese government since 2019: several specialized state agencies have been created, and in May 2022 the Diet approved the Act on Provision of Economic Security. Economic security-related notions have also been included in the new National Security Strategy, published in December 2022. In this document, economic security is defined as protection of 'Japan's national interests, such as peace, security, and economic prosperity, by carrying out economic measures.' It shall be noted that the current understanding of economic security is different from the one previously assumed, which was largely concerned with the provision of natural resources and food. We observe the concrete measures proposed in connection with the concept of economic security and highlight that the new understanding of the concept has been introduced in relation to the ongoing trade war between the U.S. and China, in which Japan supports the U.S. in its efforts against the certain advanced-tech companies from China. From the point of view of the securitization theory, claims that certain industries of the PRC's economy present a threat to Japan's security could be seen as 'speech-acts' aiming to legitimize the employment of extraordinary political measures. We emphasize that the apparent success of such speech-acts is grounded in the Japanese experts' assessment that there are emergent technologies with the possibility of dual commercial and military use. In conclusion, we examine the securitization of China's economy by the Japanese government in its current regional and global context and argue that it could be interpreted both as a signal to the U.S. and as an attempt to gain leverage in the competition between the Japanese and the Chinese infrastructural projects in the Asia-Pacific.

Keywords: economic security, Japan's security strategy, securitization, advanced technology industries, Japan-China relations, Japan-U.S. relations.

Author: *Paksiutov Georgii D.*, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow, Center for Japanese studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy prospect, Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksiutov@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

For citation: Paksiutov, G.D. (2023). Yaponskaya strategiya ekonomicheskoi bezopasnosti: sek'yuritizatsiya ekonomicheskogo vozvysheniya Kitaya? [Japan's economic security strategy: Securitization of China's rising economic power?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 6–17. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17

Введение

Концепция «экономической безопасности» в последнее время все больше привлекает внимание и политиков, и исследователей (толчком к этому стал курс Д. Трампа, который емко характеризует лозунг «Экономическая безопасность – это национальная безопасность») несмотря на то, что до сих пор не существует четкого теоретического консенсуса о ее содержании [Афонцев 2020, с. 28–29]. Применительно к Японии проблемы экономической безопасности получили достаточно широкое освещение, что естественным образом связано с географическим положением страны, ее потребностью в импорте природных ресурсов и продовольствия [Акао 1983], [Barnhart 2013], [Гордиенко 2015], [Господарик, Пашковская 2021]. Однако на современном этапе экономическая безопасность приобретает в Японии принципиально новый уровень политического значения и институционального оформления (что отражается, в том числе, в принятии стратегических документов и создании соответствующих правительственных организаций). В статье мы намерены рассмотреть данный процесс и его контекст, прибегнув для его осмысления к теории секьюритизации.

Современная японская стратегия экономической безопасности

Как отмечают С. Армстронг и С. Урата [Armstrong, Urata 2021, p. 11–12], с 2019 г. экономическая безопасность приобретает большее значение для японского правительства, и начинается сопряжение концепций экономической безопасности и национальной безопасности как таковой, в то время как прежде экономическая безопасность понималась в более узком смысле, преимущественно связанном с обеспечением страны энергоресурсами и продовольствием. В июне 2019 г. в составе японского Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТИ) было создано подразделение экономической безопасности. В апреле 2020 г. группа по экономической безопасности была создана в секретариате Национального совета безопасности.

В конце 2020 г. правящая Либерально-демократическая партия опубликовала официальные рекомендации правительству по разработке стратегии экономической безопасности¹.

В октябре 2021 г. (после избрания Ф. Кисида на пост премьера) в правительстве была создана новая должность – министр по экономической безопасности. Примечательно, что разработкой японской концепции экономической безопасности еще в 2019 г., когда премьер-министром был С. Абэ, в составе ЛДП руководили А. Амари и Кисида [Armstrong, Urata 2021, p. 11; Pugliese, Wallace 2021, p. 78]. По всей видимости, придание экономической безопасности Японии нового значения и важности в немалой степени является личным проектом Кисиды.

В мае 2022 г. японским парламентом был принят Закон об обеспечении экономической безопасности – первый правовой документ национального уровня, целиком посвященный данной проблематике². Закон должен вступить в силу в течение двух лет после его публикации и включает в себя директивы по нескольким направлениям деятельности, в том числе:

- обеспечение устойчивости поставок критически важных благ;
- формирование системы обеспечения устойчивости критически важной инфраструктуры;
- предоставление со стороны государства финансовой поддержки для проектов, связанных с критически важными технологиями;
- создание нового исследовательского института для исследований в сфере критически важных технологий;
- обеспечение тайны в отношении некоторых заявок на патенты (для предотвращения возможных хищений технологий).

Кроме того, принятая в декабре 2022 г. Национальная стратегия безопасности Японии содержит значительную составляющую, связанную с экономической безопасностью. В тексте стратегии утверждается, что в текущую эпоху «глобализации и взаимозависимости недостаточно, чтобы гарантировать безопасность и развитие на планете»³, и что в результате появления новых проблем безопасности (уязвимость цепочек поставок, угрозы для критической инфраструктуры, конкуренция в высокотехнологичных отраслях) «сфера безопасности включила в себя экономику... экономические меры стали еще более необходимы для обеспечения безопасности». В числе «приоритетных для Японии стратегических направлений», перечисленных в документе, с экономической проблематикой непосредственно связаны два:

---

¹ Why 'Economic Security' Became Magic Words in Japan // Foreign Policy. <https://foreignpolicy.com/2023/01/20/japan-china-economic-security-strategic-threat/> (дата обращения: 06.05.2023).

² Резюме акта см.: 経済施策を一体的に講ずることによる安全保障の確保の推進に関する法律案 [Законопроект об обеспечении безопасности посредством комплексных экономических мер] // Cabinet Secretariat. <https://www.cas.go.jp/jp/houan/220225/siryou1.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

³ National Security Strategy of Japan // Cabinet Secretariat. <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).

«Реализация мер экономической безопасности для достижения автономного экономического процветания» и «Поддержание и укрепление международного экономического порядка, основанного на открытых, честных и справедливых правилах».

Экономическая безопасность в тексте стратегии определяется как «обеспечение национальных интересов Японии, таких как мир, безопасность и экономическое процветание посредством экономических мер». Для реализации данной задачи выдвинуты следующие направления деятельности:

1. Выполнение и совершенствование Акта о об обеспечении экономической безопасности.
2. Обеспечение устойчивости цепочек поставок, развитие производства современных полупроводников, обеспечение стабильных поставок критически важных материалов (включая редкоземельные металлы).
3. Более строгий государственный контроль над критически важными инфраструктурными объектами.
4. Совершенствование системы информационной безопасности Японии и менеджмента данных.
5. Поддержка развития современных критически важных технологий, более строгий контроль над их экспортом, предотвращение «утечки мозгов».
6. Реализация мер, противодействующих «экономическому принуждению» со стороны прочих государств.

Для поддержания «международного экономического порядка, основанного на... правилах» Япония, согласно тексту стратегии, намерена противодействовать «невоенному давлению со стороны некоторых государств, направленному на подавление независимого принятия решений в национальной внешней политике и качественного экономического роста». Для этого предлагаются следующие основные меры:

- противодействие «несправедливым» торговым практикам;
- поддержание экономического порядка и достижение устойчивого экономического роста посредством активности в рамках региональных интеграционных проектов: ВПТТП, ВРЭП, а также Индо-Тихоокеанской экономической структуры (IPEF);
- предоставление помощи развитию в координации с «союзниками и странами-единомышленниками», совершенствование «транспарентной и справедливой» глобальной системы предоставления помощи развитию.

Возвышение и активность Китая, в том числе в экономическом измерении, прямо озвучивается как одна из главных мотиваций для новой стратегии. Как заявлял влиятельный политик из ЛДП А. Амари (как уже отмечалось ранее, один из главных авторов современной японской стратегии экономической безопасности), новое видение безопасности, комплексно включающее экономическую составляющую, является ответом на использование Китаем экономических ресурсов для изменения политического курса других стран [Armstrong, Urata 2021, p. 13]. В тексте Национальной стратегии безопасности есть упоминание экономической мощи КНР в негативном ключе: утверждается, что Китай не участвует в глобальных инвестиционно-финансовых институтах и в решении глобальных проблем, таких как изменение климата, «в манере, соответствующей его международному влиянию»⁴. Японская стратегия в данном отношении созвучна распространенному среди западных обозревателей мнению, согласно которому за подъемом Китая должна последовать попытка «изменить правила либерального миропорядка» и, соответственно, конфронтация между Пекином и Вашингтоном (и его союзниками) [De Graaf, Van Apeldoorn 2018, p. 113–114].

Отметим, что в тексте Национальной стратегии безопасности также прямо упоминается концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»: документ предполагает,

⁴ National Security Strategy of Japan.

что за счет реализации этой инициативы Япония сможет извлечь из динамичного развития региона экономическую выгоду.

Вообще, одной из задач, постулируемых для японской стратегии экономической безопасности, помимо связанных собственно с безопасностью и предотвращением экзистенциальных угроз аспектов, является ревитализация японской экономики, достижение устойчивого роста. Так, в тексте Национальной стратегии безопасности утверждается, что посредством осуществления данной стратегии Япония «укрепит... международную обстановку, в которой ее экономика может расти» и благодаря этому достигнет «взаимно поддерживающей связи [virtuous circle] безопасности и экономического роста»⁵. По мнению С. Гото, новая концепция экономической безопасности позволяет «взглянуть на собственную экономику более широко»; «это возможность... сделать Японию более экономически конкурентоспособной»⁶. Некоторые обозреватели, впрочем, утверждают обратное – что меры, мотивированные укреплением экономической безопасности, на деле сопряжены с издержками (в частности, с потенциальным сокращением входящих ПИИ из-за ужесточения регулятивных норм) и отрицательно скажутся на динамике японской экономики [Armstrong, Urata 2021, p. 21–22].

Наконец, отметим, что важным аспектом нового видения экономической безопасности является развитие в Японии высокотехнологичных производств. В Национальной стратегии безопасности упомянута задача для Японии «обеспечить превосходство над другими странами и, в конечном итоге, незаменимость своих технологий»⁷. Утвержденный правительством страны перечень включает 20 «критически важных» технологических секторов, таких как биотехнологии, искусственный интеллект, квантовые информационные технологии и др.⁸ В исследовании Oxford Analytica выдвигается предположение, что государство также окажет поддержку японским провайдерам облачных сервисов⁹, чтобы обеспечить их конкурентоспособность в сравнении с иностранными (не только китайскими, но и западными) компаниями.

Участие Японии в санкциях против высокотехнологичных компаний КНР

Экономика приобретает новое место в японской стратегии безопасности на фоне обострения конкуренции, «торговых войн» между США и КНР; ярким примером участия Японии в этом нарастающем противостоянии являются санкции против Huawei (а также ZTE) и китайской индустрии микросхем. Риторика угроз безопасности предоставляет в данном противостоянии дополнительные инструменты.

Научный сотрудник университета Ньюкасла А.С. Кэмпбелл в качестве концептуальной основы для санкций против Huawei и других китайских IT-компаний называет включение

---

⁵ National Security Strategy of Japan.

⁶ Foreign Policy. Op. cit.

⁷ National Security Strategy of Japan.

⁸ Suzuki K. How Will the Economic Security Law Change Japan's Sci-Tech Policy? // Tokyo Foundation for Policy Research. <https://www.tokyofoundation.org/research/detail.php?id=943> (дата обращения: 24.08.2023).

⁹ Japan's 'economic security' may conceal protectionism // Oxford Analytica. <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/OXAN-DB270481/full/html> (дата обращения: 06.05.2023). Коротко поясним: облачные сервисы предоставляют пользователям удаленный доступ к центрам хранения и обработки информации. Они имеют огромное коммерческое значение для современных бизнес-моделей (напр. электронной коммерции и многих других); облачные технологии могут быть использованы для анализа больших массивов данных и машинного обучения, что, видимо, и обуславливает их значение для дискурса безопасности.

в Национальную стратегию США (опубликованную в 2017 г.) упоминания о том, что «данные, как и энергетика, будут определять экономическое благосостояние и нашу будущую стратегическую позицию в мире» [Campion 2020, p. 3]. В том же 2017 г. президент Трамп наложил вето на приобретение американского производителя микросхем Lattice Semiconductor китайским инвестиционным фондом. В мае 2019 г. Департамент коммерции США внес Huawei в черный список, наложив определенные ограничения на операции компании в стране; в марте 2021 г. американская Федеральная комиссия по связи признала Huawei и ZTE, еще одного крупного китайского производителя смартфонов, агентами, деятельность которых «несет неприемлемый риск национальной безопасности США или их граждан» [Harold, Kamijima-Tsunoda 2021, p. 86]. Япония поддержала своих союзников, наложив на Huawei и ZTE собственные ограничительные меры в декабре 2018 г., мотивированные необходимостью защиты критически важной информационной инфраструктуры от вирусов и похищения данных.

Huawei – ключевой китайский игрок на формирующемся рынке 5G-связи. Текущее поколение (4G) мобильной связи в основном контролируется компаниями (LG, Qualcomm, Motorola, Nokia, Sony Ericsson), которые базируются на Западе и в союзных США странах Восточной Азии; потенциальное влияние КНР на рынок 5G значительно больше, и, таким образом, Запад может утратить лидерство в данном сегменте информационных технологий [Campion 2020, p. 10]. По формулировке представителя американского Совета по национальной безопасности, «установка китайского 5G-оборудования позволит китайским компаниям собирать большие массивы данных... Huawei, ZTE и другие китайские IT-компании... представляют реальную и растущую угрозу для... национальной безопасности» [Harold, Kamijima-Tsunoda 2021, p. 77].

Другим важным направлением, где со стороны США и союзников, включая Японию, оказывается давление на китайский высокотехнологичный сектор, является индустрия микросхем. В декабре 2020 г. США добавили в черный список крупнейшего китайского производителя микросхем SMIC. В октябре 2022 г. были введены ограничения на экспорт полупроводников из США в Китай, в марте 2023 г. аналогичные ограничения ввела Япония¹⁰. В 2020 г. были введены ограничения на экспорт из США оборудования для производства микросхем; по формулировке обозревателя, «полупроводники находятся в центре борьбы США и Китая за технологическое лидерство» [Cho 2023, p. 27], в стороне от которой не остается и Япония.

В экономическом противостоянии Японии и союзных стран с КНР видное место занимает идеологическая составляющая. В 2020 г. группа японских парламентариев предложила использовать для противостояния с Китаем новые инструменты, в частности, принять правовую норму, позволяющую правительству вводить экономические санкции в ответ на нарушения «прав человека» [Igata 2022, p. 4]. В январе 2023 г. возглавляющий МЕТИ Я. Нисимура призвал страны G7 объединить усилия в сфере экономической безопасности и заявил, что «в результате наших иллюзий... система свободной торговли укрепила легитимность авторитарных режимов»¹¹ (вероятно, имелось ввиду, что «авторитарные» правительства сумели достичь существенных успехов в экономическом развитии благодаря экспортно-ориентированной хозяйственной модели при мировой торговой системе, сравнительно свободной от протекционистских мер, и таким образом упрочили свои позиции на внутренней арене –

¹⁰ Hyuga T., Furukawa Y. Japan tightens chip gear exports as U.S. seeks to contain China // The Japan Times. 31.03.2023. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/03/31/business/japan-joins-us-chip-export-control/> (дата обращения: 07.05.2023).

¹¹ Japan wants G7 to team up against economic coercion by China // Bloomberg. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-05/japan-wants-g-7-to-team-up-against-economic-coercion-by-china> (дата обращения: 07.05.2023).

т.е. произошло противоположное ожиданиям западных элит после распада СССР, которые полагали, что глобализация и свободная торговля приведут к распространению на планете демократии западного типа).

Дискурс экономической безопасности как секьюритизация

Полезным теоретическим инструментом, с помощью которого можно осмыслить японскую стратегию экономической безопасности, является концепция секьюритизации, достаточно широко используемая исследователями международной политики. Согласно авторам данной концепции, секьюритизация осуществляется посредством «речевого акта», в результате которого некая «проблема... выносится за пределы установленных [политических] правил»; секьюритизация имеет место, когда субъект «представляет проблему как экзистенциальную угрозу» и посредством этого «присваивает право решать проблему экстраординарными средствами» [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 23, 26].

Примечательно, что книга *Security: A New Framework for Analysis* (первое фундаментальное изложение идеи секьюритизации) содержит обширный раздел, посвященный экономической безопасности. По выражению авторов, «после сокрушительной победы Запада в холодной войне» «дискурс экономической безопасности определяется преимущественно с либеральных позиций», и в этих условиях экономические отношения «не поднимаются выше чистой политики», т.е. их весьма затруднительно представить как проблему безопасности [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 96, 99]. По оценке Б. Бузана и его соавторов, «либералы могут легитимно задействовать экономическую безопасность» только в случае проблемы обеспечения государства необходимыми ресурсами [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 105]. В условиях появления на международной арене нового актора, чьи возможности сопоставимы с США, эти тезисы, по-видимому, нуждаются в переосмыслении, что наглядно демонстрирует активное применение риторики экономической безопасности в самих США и союзных им странах.

В научной литературе успешное использование секьюритизации в Японии для перевода прежде не ассоциировавшейся с безопасностью проблемы в сферу безопасности зафиксировано, скажем, на примере экологии. С 2020 г. правительство страны провозгласило задачу достижения углеродной нейтральности в течение тридцати лет (в предшествовавший период в Стране восходящего солнца, напротив, активно вводились в строй новые угольные электростанции, чтобы компенсировать сокращение производства атомной энергии после фукусимской катастрофы), что обозреватели считают резкой сменой курса, которую удалось осуществить вследствие применения секьюритизации и несмотря на определенную отрицательную реакцию со стороны бизнес-сообщества [Yamada 2021]. Секьюритизация, таким образом, оказывается действенным инструментом, с помощью которого политическое руководство страны может достигать своих целей, в том числе вопреки экономическим интересам некоторых агентов на уровне фирм и граждан.

Концепция секьюритизации в научной литературе применялась, напр., к кейсу санкций против Huawei [Campion 2020], к японскому политическому дискурсу о китайской инициативе «Пояс и путь» [Pardo 2017]. Исследователи отмечают, что одним из первых направлений для секьюритизации китайской экономики в политическом поле как США, так и Японии стала кибербезопасность [Campion 2020, p. 8; Carroll 2021, p. 38].

На наш взгляд, риторику идеологического противостояния с Китаем, примеры которой были приведены выше, полезно рассмотреть как часть секьюритизирующего «речевого акта», посредством которого Пекин представляется угрозой. Какие еще факторы делают возможной секьюритизацию экономического развития Китая и, соответственно, сверхординарные экономические, политические, военные меры? В первую очередь, предпосылка, что

некоторые новые технологии (дроны, квантовые технологии и т.д.) могут использоваться как для гражданских, так и военных целей и, таким образом, высокотехнологичные компании, на первый взгляд не представляющие угрозу безопасности, на деле могут участвовать в военных разработках¹². Профессор Токийского университета К. Судзуки отмечает, что гражданские высокотехнологичные разработки могут использоваться в военных целях, и притом некоторые технологии (включая искусственный интеллект) требуют больших массивов данных, которые проще накопить в ходе коммерческой, гражданской, чем военной деятельности [Suzuki 2021, p. 5].

Многие обозреватели полагают, что фокус стратегии экономической безопасности на высокотехнологичных отраслях, выстраивание в них исключаящих КНР цепочек добавленной стоимости – это способ избежать более масштабного «декаплинга», разрыва экономических связей между Японией и Китаем [Oya 2020], [Armstrong, Urata 2021]; выделив высокотехнологичный сектор в отдельную категорию, критически важную для безопасности, можно сохранить масштабную торговлю в других отраслях и обеспечить таким образом баланс между соображениями безопасности и экономикой. Однако на ситуацию возможен взгляд и с диаметрально противоположной точки зрения. Если бы на повестке дня стоял резкий «декаплинг» во многих отраслях одновременно, он мог бы вызвать негативную реакцию со стороны японского бизнес-сообщества. Секьюритизация китайской экономики через идею «экономической безопасности» удобна для политических элит тем, что позволяет начать процесс декаплинга, санкции и другие экстраординарные меры (включая использование нерыночных инструментов управления собственной экономикой) с кажущихся наиболее важными для безопасности сфер – искусственный интеллект, критически важные коммуникации и т.д. – и дальше включать в дискурс безопасности все новые сферы.

Как формулирует эксперт по экономической безопасности профессор К. Судзуки, «раньше было возможно четко разграничивать военные и гражданские технологии... [теперь] не существует четкого разграничения между такими... технологиями, как оружие массового поражения, и продуктами общего назначения» [Suzuki 2021, p. 5]. Судзуки, как мы уже упоминали выше, подобными формулировками объясняет рассмотрение китайского IT-сектора (важным ресурсом для которого являются данные) как потенциальной угрозы безопасности. На наш взгляд, такое объяснение является эффективным «речевым актом», позволяющим осуществить секьюритизацию, т.к. акцентирует внимание на появлении принципиально нового фактора – данных как ресурса экономической деятельности; благодаря этому принципиально новому фактору возможно «вывести [проблему] из устоявшихся правил игры» [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 23]. Нам представляется важным подчеркнуть, однако, что при осуществлении секьюритизации подобными аргументами внимание участников дискуссии в публичном поле отвлекается от другого фактора. В стране с большой степенью государственного участия в экономике (в определенной степени, и в любой стране вообще) невозможно рассматривать различные отрасли хозяйства, как вполне изолированные друг от друга; экономическая активность в одной отрасли может приводить к переливам благосостояния, трансфертам, способствующим развитию другой¹³. Если удалось эффективно осуществить секьюритизацию в отношении одной отрасли, возникает прецедент для секьюритизации и других отраслей, вплоть до всей экономической системы «недружественной страны» в целом.

¹² Foreign policy. Op. cit.

¹³ Позволим себе проиллюстрировать наше рассуждение одним утрированным, но зато максимально ясным примером. Положим, что страна А представила IT-сектор в стране Б угрозой своей национальной безопасности. Как можно быть уверенным, что, если купить произведенные в стране Б туфли, выплаченные с этой сделки налоги не будут направлены государством в виде трансфертов на развитие IT-отрасли? Что владелец обувной фабрики не инвестирует прибыли в быстрорастущие акции IT-компаний? Естественно, никак, и, следовательно, экономику страны Б можно душить санкциями, пока она вообще не откажется от высокотехнологичных отраслей.

В литературе, посвященной феномену секьюритизации в современной политике, уделяется внимание формированию «коалиции» или консенсуса авторитетных акторов, способствующему успеху «секьюритизирующего» «речевого акта» [Chubb 2023, p. 20, 22–30]. Формирующийся консенсус японского политического истеблишмента и экспертного сообщества можно суммировать так: экстраординарные меры по включению экономики в стратегическое видение национальной безопасности, государственному контролю (регулирование экспорта, раскрытия коммерческой информации и т.п.) над некоторыми отраслями экономики необходимы ввиду экономического возвышения Китая в условиях, когда высокие технологии становятся сферой напряженного международного соревнования. Дополнительно как аргумент привлекается необходимость защищаться от «несправедливых» методов конкуренции, используемых «авторитарными», «нерыночными» странами; как это сформулировано в тексте Национальной стратегии безопасности Японии:

«Некоторые государства, не разделяющие всеобщие ценности, используют уникальные подходы для быстрого развития своей экономики, науки и технологий, и таким образом достигают в некоторых отраслях превосходства над странами, которые защищают... принципы рыночной экономики»¹⁴.

Секьюритизация экономики¹⁵ в Японии: региональный и глобальный контекст

Весьма быстро происходящая секьюритизация экономики в Японии разворачивается на фоне напряженного регионального и глобального международного контекста, включающего такие факторы, как территориальный спор между Японией и КНР, растущие трения между Китаем и США. Имеются также и другие обстоятельства, вероятно, оказывающие влияние на процесс секьюритизации, значение которых необходимо упомянуть.

Во-первых, необходимо отметить, что Восточную и Юго-Восточную Азию отличает весьма высокий уровень экономической интеграции и взаимозависимости между странами, связанный с экспортно-ориентированной моделью экономики стран региона [Pardo 2017, p. 72]. Исторически основой региональной системы экономического взаимодействия являлась т.н. модель летящих гусей, при которой Япония позиционировалась как лидер экономического, технологического, институционального развития, от которого другие страны постепенно должны были перенять экономические и технологические ноу-хау (и накопить необходимый капитал). В результате вступления Китая в ВТО и динамичного роста китайской экономики именно КНР стала центром региональных торгово-экономических связей на новейшем этапе, являясь крупнейшим торговым партнером остальных государств и ключевым узлом межстрановых цепочек добавленной стоимости. Япония, однако, до сих пор стремится позиционировать себя естественным лидером и центром региональных экономических связей, что неизбежно означает конкуренцию с Китаем [Pardo 2017, p. 73]. Секьюритизация экономики – и, в частности, высокотехнологичных производств (напр., полупроводников и микросхем, электро- и вычислительной техники и др.), которые, как правило, осуществляются в сложных международных производственных цепочках – не только позволяет японскому правительству принимать экстраординарные меры внутри страны для обостряющейся конкуренции с КНР, но и выступает политическим инструментом для воздействия на третьи страны, побуждая их ограничить (или, по крайней мере, с большей осторожностью рассматривать) экономическое

---

¹⁴ National Security Strategy of Japan.

¹⁵ Мы используем выражение «секьюритизация экономики» в значении, аналогичном [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 209] – привнесение или акцентирование проблематики безопасности в экономической сфере, экономических отношениях.

взаимодействие с Китаем¹⁶. Особенно актуально подобное сигнализирование о рисках сотрудничества с КНР в отношении инфраструктурных проектов – прогнозируемый объем спроса на создание инфраструктуры в АТР в ближайшие декады измеряется в триллионах долларов, и Япония весьма желала бы извлечь из этого экономические выгоды [Pardo 2017, p. 82]. Осуществляя инициативу «Пояс и путь», Китай стал весьма мощным конкурентом для японских инфраструктурных проектов в АТР – например, китайские подрядчики выиграли у японских крупный тендер на строительство железной дороги Джакарта-Бандунг в Индонезии [Koga 2022, p. 12]. Секьюритизация, помимо прочего, является инструментом и в этой конкурентной борьбе.

Еще один релевантный аспект международной ситуации, который отмечают японские обозреватели – необходимость «укреплять альянс между США и Японией» (иными словами, демонстрировать полезность Японии для Соединенных Штатов, целесообразность предоставления ей гарантий безопасности) [Koga 2020, p. 50]. Требования Д. Трампа к участникам НАТО по увеличению расходов на оборону и его заявление, что предоставление защиты со стороны США в случае военного нападения на участника альянса может зависеть от выполнения этим участником финансовых обязательств, вызвали тревогу у союзников Вашингтона [Pothier, Vershbow 2017, p. 1], а вывод войск США из Афганистана подтвердил, что и после смены администрации Белый дом продолжает курс на больший прагматизм в проекции военной мощи за рубежом¹⁷. Секьюритизация экономического возвышения Китая, с одной стороны, позволяет Японии позиционировать себя как ценного союзника для США и других «стран-единомышленников», обладающего стратегически важными экономическими и технологическими ресурсами и связями в АТР, а с другой – подчеркивает принципиальное значение Восточной Азии, АТР для сохранения американоцентричного мироустройства. Отсюда также закономерно вытекает упоминание в стратегических документах и дискуссиях о «миропорядке, основанном на правилах», осуждение «авторитарных» режимов и т.п.

Заключение

Вкратце суммируем основные результаты и выводы проведенного исследования. Показаны растущее место экономики в японской стратегии безопасности, актуализация в японском политическом поле концепта «экономической безопасности», получившего обновленное смысловое наполнение. Практическая реализация нового стратегического видения рассмотрена на примере санкций против высокотехнологичного сектора экономики КНР. Для осмысления текущих трендов полезна теория «секьюритизации», которая позволяет лучше понять механизм переноса логики военно-политического противостояния в сферу экономики, факторы и перспективы данного процесса. В частности, важно отметить: особенности высокотехнологичного сектора (применимость определенных технологий как в гражданской, так и военной сфере, накопление в коммерческой деятельности «больших данных», потенциально имеющих военное применение) предоставляют возможности для «секьюритизирующей» риторики. Обострение противоречий Японии с КНР также рассмотрено

¹⁶ Как отмечается в статье [Insisa, Pugliese 2022], сам термин «качественная инфраструктура» был выбран японским руководством с целью брендинга в качестве предпочтительной альтернативы проекту «Пояс и путь», против которого в публичном поле предъявлялись обвинения в коррупции, вреде экологии и т.п.

¹⁷ Анализ существующих в Японии оценок перспектив японо-американского сотрудничества в сфере безопасности после избрания Дж. Байдена и определяющих их факторов см. в [Стрельцов 2020]. Примечательно, что Д.В. Стрельцов как один из важных факторов выделяет возможное негативное отношение американской Демократической партии к экологическим стандартам в Японии [Стрельцов 2020, с. 44]; возможно, именно здесь обнаруживается причина вышеупомянутой секьюритизации экологии.

в региональном (конкуренция за лидирующее место в экономических связях в АТР и, в частности, между японскими и китайскими инфраструктурными проектами) и глобальном (стремление четко обозначить свою принадлежность к лагерю «либеральных демократий» и упрочить партнерство с США в сфере безопасности) контекстах.

Наконец, можно констатировать, что новое видение экономической безопасности призвано послужить и ревитализации экономики Японии в целом. Высокотехнологичные отрасли, на которых в стратегии делается основной акцент – ИТ, искусственный интеллект, полупроводники и др. – действительно, играют в современной экономике важнейшую роль, так что поиск новых инструментов их поддержки и защиты от иностранных конкурентов вполне объясним.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афонцев С.А. Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности // На страже экономики. 2020. Т. 13. № 2. С. 27–47. DOI: 10.36511/2588-0071-2020-2-27-47.
- Гордиенко Д.В. Глобализация и обеспечение экономической безопасности Японии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 15. С. 32–47.
- Господарик Ю.П., Пашковская М.В. Особенности формирования системы экономической безопасности Японии на современном этапе // Научное обозрение: теория и практика. 2021. Т. 11. № 4. С. 1166–1178. DOI: 10.35679/2226-0226-2021-11-4-1166-1178.
- Стрельцов Д.В. Куда пойдёт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 34–49. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023.

REFERENCES

- Afontsev, S.A. (2020). Kontseptual'nye osnovy analiza natsional'noi i mezhdunarodnoi ekonomicheskoi bezopasnosti [Conceptual Framework for the Analysis of National and International Economic Security]. *Na strazhe ekonomiki* [The Economy Under Guard], 13(2), 27–47. (In Russian). DOI: 10.36511/2588-0071-2020-2-27-47.
- Gordienko, D.V. (2015). Globalizatsiya i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti Yaponii [Globalization and the Economic Security of Japan]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 11(15), 32–47. (In Russian).
- Gospodarik, Yu.P., Pashkovskaya M.V. (2021). Osobennosti formirovaniya sistemy ekonomicheskoi bezopasnosti Yaponii na sovremennom etape [Features of the Formation of the Economic Security System of Japan at the Present Stage]. *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika* [Scientific Review: Theory and Practice], 11(4), 1166–1178. (In Russian). DOI: 10.35679/2226-0226-2021-11-4-1166-1178.
- Streltsov, D.V. (2020). Kuda poidet politika Yaponii v sfere bezopasnosti posle smeny administratsii v Tokio i Vashingtone? [Where Will Japan's Security Policy Go After the Change of Administrations in Tokyo and Washington?]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4, 34–49. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023.

* * *

- Akao, N. (1983). *Japanese Economic Security: Resource in Japanese Foreign Policy*. London: Royal Institute of International Affairs.
- Armstrong, S., Urata, S. (2021). *Japan First? Economic Security in a World of Uncertainty*. Canberra: East Asian Bureau of Economic Research.

- Barnhart, M.A. (2013). *Japan Prepares for Total War: The Search for Economic Security, 1919–1941*. Ithaca: Cornell University Press.
- Buzan, B., Wæver, O., De Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder and London: Lynne Rienner Publishers.
- Campion, A.S. (2020). From CNOOC to Huawei: Securitization, the China threat, and critical infrastructure. *Asian Journal of Political Science*, 28(1), 47–66. DOI: 10.1080/02185377.2020.174141.
- Chubb, A. (2023). The Securitization of ‘Chinese Influence’ in Australia. *Journal of Contemporary China*, 32(139), 17–34. DOI: 10.1080/10670564.2022.2052437.
- De Graaff, N., Van Apeldoorn, B. (2018). US–China relations and the liberal world order: contending elites, colliding visions? *International Affairs*, 94(1), 113–131. DOI: 10.1093/ia/iix23.
- Harold, S. W., Kamijima-Tsunoda, R. (2021). Winning the 5G Race with China: a US-Japan Strategy to Trip the Competition, Run Faster, and Put the Fix in. *Asia Policy*, 28(3), 75–103.
- Igata, A. (2022). *Japan’s Burgeoning Economic Security Strategy: Navigating amidst US-China Competition*. Fiesole: European University Institute.
- Insisa, A., Pugliese G. (2022). The Free and Open Indo-Pacific versus the Belt and Road: Spheres of Influence and Sino-Japanese relations. *The Pacific Review*, 35(3), 557–585. DOI: 10.1080/09512748.2020.1862899.
- Koga, K. (2020). Japan’s ‘Indo-Pacific’ Question: Countering China or Shaping a New Regional Order? *International Affairs*, 96(1), 49–73. DOI: 10.1093/ia/iiz241.
- Koga, K. (2022). Alternative Strategic Partner in Southeast Asia? The role of Japan in the US-China Rivalry. In Shigehoi K. (ed.). *Japan’s Role for Southeast Asia Amidst the Great Power Competition* (pp. 7–16). Hanoi: Konrad-Adenauer-Stiftung, Vietnam Office.
- Oya, S. (2020). Improving Economic Security: Proposals from Japan. *Lettre du Centre Asie*, 88, 1–3.
- Pardo, R. P. (2017). China, Japan, and Economic Security Competition (and Cooperation) in the Asia-Pacific. In *Chinese–Japanese Competition and the East Asian Security Complex* (pp. 71–85). Routledge.
- Pothier, F., Vershbow, A. (2017). *NATO and Trump: The Case for a New Transatlantic Bargain*. Washington: The Atlantic Council.
- Pugliese, G., Wallace, C. (2021). Japan 2021: The Liberal Democratic Party Emerges Stronger Despite Domestic Tumult. *Asia Major*, 32, 63–94.
- Suzuki, K. (2021). *U.S.-China Technological Hegemony and Japan’s Economic Security*. Fiesole: European University Institute. DOI: 10.2870/53704.
- Yamada, T. (2021). Transforming the Dynamics of Climate Politics in Japan: Business’ Response to Securitization. *Politics and Governance*, 9(4), 65. DOI: 10.17645/pag.v9i4.4427.

Поступила в редакцию: 10.05.2023

Received: 10 May 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023